GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
WORLD HISTORY – ДУНИЕЖҮЗІ ТАРИХЫ – ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ –

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.20.00

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Assessing the Implementation of the Soviet Industrial Project of the 1930s in Contemporary Russian Historiography

G. Petachenko✉
Belarusian State University, Minsk, Belarus
✉*petakoff@yandex.ru*

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of scientific approaches in modern Russian historiography to the assessment of the implementation of the Soviet industrial project in the 1930s. The main vectors, methodological innovations, and substantive conclusions of modern Russian historical science in assessing the goals, mechanisms, course, and results of the Soviet industrial project in the 1930s are systematized. The article examines the methodological transition from the monistic Soviet paradigm to a pluralistic research model, which became possible after the collapse of the USSR and the opening of archival funds. The work highlights and describes in detail three key areas of research on the subject: assessments of industrialization, collectivization, and the history of everyday life in modern Russian historiography. Within each of these areas, the interpretations of economic mechanisms, social consequences, human dimensions, and long-term outcomes of forced industrialization are analyzed. Particular attention is given to controversial topics in contemporary historical scholarship, such as alternatives to the Stalinist model, the relationship between coercion and enthusiasm, and the connection between the industrial breakthrough and victory in the Great Patriotic War. A conclusion is drawn about the emergence of a dialectical approach in contemporary Russian historiography, one that recognizes the simultaneous achievement of macroeconomic results and high social costs. This allows us to view the Soviet industrial project as a deeply contradictory phenomenon. Russian historiography today demonstrates a mature, dialectical understanding of the Soviet industrial project of the 1930s. This period is no longer perceived solely as a "triumph" or "catastrophe," but is recognized as a deeply contradictory and multifaceted phenomenon. The main achievement lies in rejecting primitive, polarized assessments in favor of a multifaceted analysis that encompasses macroeconomic data and the geopolitical situation, as well as microhistorical details, social processes, and individual human destinies. Revolutionary technological advances contrast with archaic management approaches based on direct pressure and coercion unrelated to economic incentives. The creation of impressive industrial potential was accompanied by serious structural imbalances in the economy, where heavy industry expanded at the expense of the agricultural and consumer sectors. On the one hand, a society with expanded social prospects and growing prosperity was emerging. On the other hand, total control over citizens' lives, coupled with the erosion of traditional social ties, led to an uneven distribution of resources. The methodological basis of the study is a combination of analytical approaches based on the principles of historicism and objectivity, a combination of universal methods of analysis and synthesis, deductive and inductive approaches, as well as methods of bottom-up and top-down analysis, classification, and typification. The use of the historical-typological method, based on deductive-inductive logic, makes it possible to identify key patterns in the development

© G. Petachenko, 2026

of modern Russian historiography, formulate its chronological division, and propose a classification system for the main trends.
Keywords: industrialization; five-year plan; modernization; economy; USSR; historiography; society; labor; everyday life; Gulag; collectivization; project

For citation: Petachenko G. Assessing the Implementation of the Soviet Industrial Project of the 1930s in Contemporary Russian Historiography. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.155, no.2, pp.51-64. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Қазіргі заманғы орыс тарихнамасында 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның жүзеге асырылуын бағалау

Г. Петаченко

Беларусь мемлекеттік университеті, Минск, Беларусь

Аңдатпа. Бұл мақалада қазіргі орыс тарихнамасындағы 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның жүзеге асырылуын бағалауға ғылыми көзқарастардың эволюциясы жан-жақты талданады. Онда қазіргі орыс тарихи ғылымының 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаның мақсаттарын, механизмдерін, ілгерілеуін және нәтижелерін бағалаудағы негізгі векторлары, әдіснамалық жаңалықтары және мазмұндық қорытындылары жүйеленеді. Онда КСРО ыдырағаннан және мұрағат қорлары ашылғаннан кейін қалыптасуы мүмкін болған монистік кеңестік парадигмадан плюралистік зерттеу моделіне әдіснамалық көшу қарастырылады. Мақалада осы мәселені зерттеудегі үш негізгі бағыт анықталып, егжей-тегжейлі сипатталған: индустрияландыруды, ұжымдастыруды және қазіргі орыс тарихнамасындағы күнделікті өмір тарихын бағалау. Осы бағыттардың әрқайсысының шеңберінде экономикалық механизмдердің, әлеуметтік салдардың, адами өлшемнің және мәжбүрлі индустрияландырудың ұзақ мерзімді нәтижелерінің түсіндірмелері талданады. Қазіргі тарихи ғылымдағы сталиндік модельге балама, мәжбүрлеу мен ынта арасындағы байланыс және өнеркәсіптік серпіліс пен Ұлы Отан соғысындағы жеңіс арасындағы байланыс сияқты даулы тақырыптарға ерекше назар аударылады. Қазіргі орыс тарихнамасында макроэкономикалық нәтижелерге бір мезгілде қол жеткізу мен елеулі әлеуметтік шығындарды мойындайтын диалектикалық тәсілдің пайда болуы туралы қорытынды жасалады. Бұл бізге кеңестік өнеркәсіптік жобаны терең қарама-қайшы құбылыс ретінде қарастыруға мүмкіндік береді. Бүгінгі таңда орыс тарихнамасы 1930 жылдардағы кеңестік өнеркәсіптік жобаны жетілген, диалектикалық түсінуді көрсетеді. Бұл кезең енді тек "жеңіс" немесе "апат" ретінде қабылданбайды, керісінше терең қарама-қайшы және көп қырлы құбылыс ретінде танылады. Негізгі жетістік макроэкономикалық деректер мен геосаяси жағдайды, сондай-ақ микротарихи мәліметтерді, әлеуметтік процестерді және жеке адамдардың тағдырларын қамтитын көп қырлы талдаудың пайдасына қарабайыр, поляризацияланған бағалаулардан бас тартуда жатыр. Революциялық технологиялық жетістіктер экономикалық ынталандырумен байланыссыз тікелей қысым мен мәжбүрлеуге негізделген архаикалық басқару тәсілдеріне қарама-қайшы келді. Әсерлі өнеркәсіптік әлеуеттің құрылуы экономикадағы күрделі құрылымдық теңгерімсіздіктермен қатар жүрді, онда ауыр өнеркәсіп ауыл шаруашылығы және тұтыну секторларының есебінен кеңейді. Бір жағынан, әлеуметтік перспективалары кеңейіп, өркендеуі артып келе жатқан қоғам пайда болды. Екінші жағынан, азаматтардың өмірін толық бақылау дәстүрлі әлеуметтік байланыстардың бұзылуымен бірге ресурстардың біркелкі бөлінбеуіне әкелді. Зерттеудің әдіснамалық негізі -

тарихшылдық пен объективтілік қағидаттарына негізделген аналитикалық тәсілдердің, талдау мен синтездің әмбебап әдістерінің, дедуктивті және индуктивті тәсілдердің, сондай-ақ төменнен жоғары және жоғарыдан төмен талдау, жіктеу және типтеу әдістерінің үйлесімі. Дедуктивті-индуктивті логикаға негізделген тарихи-типологиялық әдісті қолдану қазіргі заманғы орыс тарихнамасының дамуындағы негізгі заңдылықтарды анықтауға, оның хронологиялық бөлінуін тұжырымдауға және негізгі үрдістер үшін жіктеу жүйесін ұсынуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: индустрияландыру; бесжылдық жоспар; жаңғырту; экономика; КСРО; тарихнама; қоғам; еңбек; күнделікті өмір; ГУЛАГ; ұжымдастыру; жоба

Оценка реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. в современной российской историографии

Г. Петаченко

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ эволюции научных подходов в современной российской историографии к оценке реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. Систематизированы основные векторы, методологические новации и содержательные выводы современной российской исторической науки в оценке целей, механизмов, хода и итогов советского индустриального проекта 1930-х гг. Рассматривается методологический переход от монистической советской парадигмы к плюралистической исследовательской модели, формирование которой стало возможным после распада СССР и открытия архивных фондов. В работе выделены и детально охарактеризованы три ключевых направления в изучении данной проблемы: оценки индустриализации, коллективизации и история повседневности в современной российской историографии. В рамках каждого из них проанализированы интерпретации экономических механизмов, социальных последствий, человеческого измерения и долгосрочных результатов форсированной индустриализации. Особое внимание уделено дискуссионным узлам современной исторической науки, таким как вопрос об альтернативах сталинской модели, соотношении принуждения и энтузиазма, а также о связи индустриального рывка с победой в Великой Отечественной войне. Делается вывод о формировании в современной российской историографии диалектического подхода, признающего одновременное достижение макроэкономических результатов и серьезные социальные издержки, что позволяет рассматривать советский индустриальный проект как глубоко противоречивый феномен, российская историография сегодня демонстрирует зрелое, диалектическое понимание советского индустриального проекта 1930-х гг. Этот период больше не воспринимается исключительно как "триумф" или "катастрофа", а признается глубоко противоречивым и многогранным явлением. Главное достижение заключается в отказе от примитивных, полярных оценок в пользу многоаспектного анализа, который охватывает как макроэкономические данные и геополитическую обстановку, так и микроисторические детали, социальные процессы и индивидуальные человеческие судьбы. Революционные технологические достижения контрастировали с архаичными управленческими подходами, основанными на прямом давлении и принуждении, не связанном с экономическими стимулами. Создание внушительного индустриального потенциала сопровождалось серьезными структурными перекосами в экономике, где тяжелая промышленность разрасталась в ущерб аграрному и потребительскому секторам. С одной стороны, формировалось общество с расширенными социальными перспективами и ростом благосостояния. С другой – тотальный

контроль над жизнью граждан, в сочетании с подрывом традиционных социальных связей, приводил к неравномерному распределению ресурсов. Методологическую основу исследования составляет совокупность аналитических подходов, основанных на принципах историзма и объективности, сочетание универсальных методов анализа и синтеза, дедуктивного и индуктивного подходов, а также методов восходящего и нисходящего анализа данных, классификации и типизации. Использование историко-типологического метода, опирающегося на дедуктивно-индуктивную логику, даёт возможность определить ключевые закономерности развития современной российской историографии, сформулировать её хронологическое разделение, а также предложить систему классификации основных течений.
Ключевые слова: индустриализация; пятилетка; модернизация; экономика; СССР; историография; общество; труд; повседневность; ГУЛАГ; коллективизация; проект

Для цитирования: Петаченко Г. Оценка реализации советского индустриального проекта 1930-х гг. в современной российской историографии. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Т.155, no.2, с.51-64. https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-155-2-51-64

Введение

Советский индустриальный проект 1930-х гг., реализованный в ходе первых трех пятилеток, представляет собой один из важных периодов советской истории XX века. Это была беспрецедентная по своим масштабам, темпам и методам попытка догоняющей модернизации, осуществляемая в рамках формирующейся командно-административной системы управления государством. Данный проект не только коренным образом изменил экономическую модель и социальный ландшафт СССР, но и оказал влияние на положение страны в системе международных отношений, став одним из факторов повысивших статус страны на международной арене.

Оценка этого проекта на протяжении последних трех десятилетий претерпела кардинальную трансформацию, отражающую изменения в подходах российской исторической науки в постсоветский период. В советской историографии доминировала героико-триумфаторская трактовка, акцентировавшая "великие стройки коммунизма" и преодоление экономической отсталости под руководством партии, тогда как в начале 1990-х гг. возобладал подход, часто сводившийся к отрицанию и критике итогов индустриализации, то в современной российской историографии преобладает стремление к сложному, многогранному синтезу. Этот синтез основывается на широком доступе к ранее секретным архивным материалам, методологическом плюрализме и отказе от идеологической ангажированности.

Материалы и методы

В качестве методологической основы статьи выбран диалектический подход, основанный на принципах объективности и историзма. Объективность подразумевает всестороннее изучение всех доступных исторических свидетельств и их беспристрастную интерпретацию, в то время как историзм предписывает оценивать объекты, процессы и события в контексте их появления и эволюции, обусловленных специфическими историческими обстоятельствами. При этом объективность диктует необходимость

избегать субъективных оценок научных исследований, выполненных в различных направлениях, историзм требует оценки исследовательских выводов исходя из степени их научной новизны. Достижение цели исследования стало возможным благодаря применению универсальных методов анализа и синтеза, дедуктивного и индуктивного подходов, а также методов восходящего и нисходящего анализа, классификации и типизации. Использование историко-типологического метода, опирающегося на дедуктивно-индуктивную логику, даёт возможность определить ключевые закономерности развития современной российской историографии, сформулировать её хронологическое разделение, а также предложить систему классификации основных течений.

Идентификация спорных вопросов изучения истории советского общества стала возможной благодаря историко-сравнительному анализу, который лёг в основу рассмотрения аргументов, лежащих в основе обсуждаемых теорий. В качестве объекта сравнения при анализе советской историографии выступали "официальные" и "альтернативные" (или отдельные элементы последних) взгляды на социально-экономические изменения в СССР в 1930-е гг. Подход исторического сопоставления был применен и к анализу современной историографии, представляющей собой концепции, разработанные на базе различных исторических и социологических теорий.

Изложение материала основано на проблемно-хронологическом принципе, который позволил не только выделить основные направления реализации советского индустриального проекта, но и проанализировать итоги их изучения на различных этапах развития современной российской историографии.

Литературный обзор

Цель данной статьи – систематизировать основные векторы, методологические новации и содержательные выводы современной российской исторической науки в оценке целей, механизмов, хода и итогов советского индустриального проекта 1930-х гг.

Современные исследования сфокусированы на нескольких ключевых дискуссиях: ведутся споры о возможности продолжения НЭПа как более сбалансированного и менее затратного пути модернизации, об оценке политики в области сельского хозяйства и анализе истории повседневности. Большинство исследователей сходится во мнении, что сталинский вариант не был исторически предопределен, а стал результатом острой внутриполитической борьбы и выбора в пользу мобилизационной модели. Дискуссия ведется вокруг вопроса о том, позволил бы НЭП обеспечить необходимые темпы роста и решить проблему обороноспособности в условиях нарастающей внешней угрозы.

Обсуждение и результаты

Оценки индустриализации в современной российской историографии. Представители "государственнического" (или "статистического") направления в современной российской историографии выступают с обоснованием необходимости форсированной индустриализации 1930-х гг., предлагая комплексный анализ сталинской эпохи, в котором форсированная индустриализация предстает как объективная и исторически оправданная необходимость для сохранения государственного суверенитета СССР. Причина формирования данного направления в историографии связана с реакцией на либеральную историографию 1990-х гг., которая, по их мнению, дискредитировала советский период истории.

По мнению Ю.Н. Жукова, индустриализацию необходимо рассматривать как инструмент внутриполитической борьбы и предлагает концепцию, смещающую фокус с личности И.В. Сталина на анализ внутриаппаратной борьбы. По его мнению, И.В. Сталин не был всесильным диктатором; его власть ограничивалась мощным слоем партийной номенклатуры ("аппаратной аристократии"), укрепившейся в регионах. Индустриализация и коллективизация в этой парадигме были не только экономическими мерами, но и инструментом централизации власти. Они направлены на подрыв влияния местных "удельных князей", сопротивлявшихся директивам центра (Жуков 2003).

Сторонники данного направления разделяют мнение о неизбежности форсированной индустриализации в СССР, полагая, что возникла необходимость в значительном повышении военно-экономического потенциала, основанного на развитии тяжелой промышленности. В оценке Е.Ю. Спицына у Советского Союза не было и не могло быть в тех конкретно-исторических условиях 50-100 лет для осуществления плавного, эволюционного перехода от аграрного общества к индустриальному. Весь вопрос стоял так: "Либо мы за 10–15 лет пробежим это расстояние, либо нас сомнут..." (Спицын 2015: 128).

Обобщающую оценку высказал А.С. Синявский, что завышенные планы играли мобилизующую роль, направляли к сверхнапряжению сил страны, что дало свои результаты, пусть и не все, на которые рассчитывали. И суть – не в формальном выполнении (или не полном выполнении) плановых заданий пятилеток, а в том, что они смогли мобилизовать страну на экономический рывок, на реальные достижения, воспринимавшиеся как советское "экономическое чудо", обеспечившие возможность выживания страны, особенно в контексте ее недалекого будущего – в противостоянии военному нашествию нацистской Европы (Сенявский 2020).

Представители модернизационного направления в современной российской историографии рассматривают итоги индустриализации с других позиций. Сторонники этого направления Л.И. Бородкин (Бородкин 2008), Г.И. Ханин (Ханин 2008) и др. рассматривают индустриализацию в контексте общемировых теорий догоняющего развития. Они акцентируют внимание на решении макроэкономических, структурных и стратегических задач, стоявших перед СССР как страной "догоняющего типа". Подчеркивается, что за короткие сроки экономическая модель СССР совершила переход от аграрного к индустриальному типу экономики. Удельный вес промышленности в ВВП страны кардинально вырос. Создавались новые для страны отрасли: авиационная, автомобильная, тракторостроительная, химическая, станкостроительная, производство качественных сталей и т.д.

Исследования Г.И. Ханина показывают, что принятый в конце 1920-х гг. курс на модернизацию экономики был обусловлен огромным экономическим, культурным и военным отставанием СССР от его классовых и геополитических конкурентов, и был призван продемонстрировать легитимность социалистической системы в глазах собственного населения и сторонников социализма в мире. Принятый вариант пятилетнего плана преследовал цель начать процесс преодоления этого отставания. Этим определялись его макроэкономические и отраслевые пропорции. В процессе выполнения плана выявилась его нереалистичность. Особенно пострадал уровень жизни населения. Однако, сталинское руководство, несмотря на неудачи и недовольство большей части населения, продолжало и даже усиливало принятые в пятилетнем плане приоритеты в первоочередном развитии тяжелой промышленности, военного сектора экономики и

ее обобществления. При этом оно сталкивалось с огромными трудностями, вызванными, наряду с собственными ошибками, катастрофическим положением с кадрами рабочих ИТР и руководителей. Ответом на кризис с производительностью труда и финансированием капитальных вложений явились коллективизация сельского хозяйства и ускоренная подготовка квалифицированных кадров рабочего происхождения, привлечение иностранной технической помощи людьми, проектами и оборудованием. В проведении своей экономической политики сталинское руководство продемонстрировало огромную настойчивость, несмотря на значительные материальные и человеческие потери. В анализируемом периоде она имела своим результатом преимущественно большую нагрузку действующих производственных мощностей, формирования финансовых ресурсов для капитального строительства, обеспечения его проектами и рабочей силой, формирования экспортного товарного фонда для оплаты импорта иностранного оборудования и научно-технического персонала и документации (Ханин 2022).

Безусловно, сверхиндустриализация потребовала напряжения всех сил советского народа и в социальном плане была очень тяжелой. По мнению Н.Р. Коровина особенностью советской индустриализации является то, что не только планирование народного хозяйства в годы первых пятилеток, но и выполнение пятилетних планов проходило на основе директивных указаний, определявших задачи, темпы, источники индустриальной модернизации. Но по существу выполнение планов было связано с достижением политических целей, ломкой всех общественных отношений, форм собственности. Ставилась задача укрепить таким образом командно-административную систему. Что и было сделано в результате сверхвысокой индустриализации. Вместо того чтобы сохранить достигнутое в годы нэпа, перешли на путь прямого администрирования в хозяйствовании. Это коснулось прежде всего составления пятилетних планов (Коровин 2008).

По мнению Э.Н. Соболева во второй половине 1920-х гг. страна оказалась перед выбором: или превратиться в сырьевой придаток мировой экономики, или совершить мучительнейший прорыв, взяв курс на форсированную индустриализацию. И то, и другое имело серьезные отрицательные последствия. Что в итоге решили сделать, известно. Также известна и цена этого выбора – погибшие в коллективизации и индустриализации; стагнация сельского хозяйства; серьезные диспропорции в народном хозяйстве, которые ощущаются до сих пор; замораживание на многие десятилетия примитивного жизненного уровня населения (Соболев 2014: 139).

В оценке М. Фельдмана индустриальный проект из инструмента государственной политики, первоначально ставившей приоритетом социальное благополучие советских граждан, превратился в самоцель. При этом целевая задача "в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран" решалась во многом на основе количественных показателей. В то же время социальная политика трансформировалась из основной составляющей государственной политики – во второстепенную, девальвировав само значение "социалистического" курса.

Принесение в жертву форсированной индустриализации сельского хозяйства, легкой промышленности, социальной сферы, привело к их деградации. Огромные инвестиции в закупку западного оборудования и технологий, не подкрепленные соответствующей кадровой политикой, нередко приводили к снижению эффективности производства: производительность труда падала, росла доля некачественной продукции (Фельдман 2021)

Важное значение отводится исследованию роли создания военно-промышленного комплекса (ВПК) в рамках советского индустриального проекта. В исследованиях М. Мееровича и Г. Ханина отмечается, что ВПК трактовалось советской идеологией как маховик технологического прогресса во всех остальных – "гражданских" сферах деятельности. Однако, на самом деле таковым вовсе не являлось. Развитие военной промышленности в СССР в период индустриализации осуществлялось не параллельно и не вслед за развитием гражданской промышленности, как это происходило во всех других странах, при осуществлении в них промышленной революции, технической перестройки гражданской промышленности и перехода на новый технологический уровень, а за счет невозвратного употребления ресурсов всей гражданской сферы. Не "помощь" народного хозяйства нуждам обороны с началом войны, а изначальное его подчинение военным задачам, лежало в основе программы индустриализации (Меерович 2014: 98).

Г.И. Ханин считает, что в промышленности необходимо выделить два сектора, которые развивались по совершенно различным траекториям: гражданский и военный. В преддверии войны и в условиях реальных, довольно крупных, военных конфликтов (особенно в Финляндии) военному сектору придавалось как никогда приоритетное значение. В этом секторе велись наиболее значительные строительные работы, он снабжается в первоочередном порядке материалами и оборудованием, рабочей силой. Для этого ускоренными темпами развивались отрасли, обеспечивающие военный сектор сырьем и материалами (цветная металлургия, качественные черные металлы, некоторые отрасли химической промышленности). Согласно официальным данным, военная продукция в 1940 году выросла по сравнению с 1937 годом в 2,44 раза, а ее доля в объеме чистой продукции промышленности в текущих ценах выросла с 10,4 % в 1937 году до 22,5 – в 1940 (Ханин 2008: 30).

Коллективизация и демографические процессы. Современная историография демонстрирует высокий уровень консенсуса в оценке коллективизации как глубочайшей социальной, гуманитарной и экономической катастрофы. Актуальный исследовательский подход фокусируется на демографических процессах и голоде 1930-х гг., как в общесоюзном, так и в региональном контексте. Исследователи стремятся к количественной верификации жертв голода, анализируя его воздействие на воспроизводство населения и миграционные потоки с применением различных методологий. В современной российской историографии определена полная география голода 1932–1933 гг., охватившего ключевые зерновые районы СССР: Украину, Северный Кавказ, Нижнее и Среднее Поволжье, значительную часть Центрально-Черноземной области, Беларусь, Казахстан, Западную Сибирь, Южный Урал.

В настоящее время в русскоязычной историографии сформирована устоявшаяся общая оценка людских потерь, которые в Украине составили 3–3,5 млн чел. (Кульчицкий 2007), в Казахстане – около 2 млн чел. (Аблажей 2011, Козыбаев 1998), в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) – не менее 2–2,5 млн чел. (Жиромская 2001, Кондрашин 2019). Однако, как отмечает В. Б. Жиромская, абсолютная точность оценок затруднена из-за нарушения механизма учета населения, массовых неучтенных миграций и репрессий. Массовые неучтенные миграции населения в основном крестьянства и репрессии усугубляли ситуацию (Жиромская 2012). Общие потери населения от голода 1932–1933 гг. в СССР, включая сверхсмертность, дефицит рождаемости, безвозвратную миграцию за пределы страны, насчитывали более 7 млн чел. Тем не менее, в современной российской историографии существует мнение о неполноте изучения демографических аспектов

голода, что "демография голода рассмотрена только в первом приближении и только на уровне крупных административно-территориальных единиц, а география голода имеет разночтения и до конца не прояснена. Детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной рождаемости, смертности и естественной убыли населения, крайне политизирован и не до конца прояснен вопрос этнической компоненты голода" (Назаренко 2023: 47). Тем не менее, в современной российской историографии существует мнение о неполноте изучения демографических аспектов голода, неоднозначности этнической компоненты. Дискуссия ведется относительно степени прямой причинно-следственной связи между действиями руководства СССР и голодом, а также о том, был ли голод прямым намерением или системным следствием политики хлебозаготовок. При этом, несмотря на признание вины сталинского руководства, некоторые исследователи как В.В. Кондрашин, полагают, что "несмотря на очевидную вину сталинского руководства в трагедии 1932–1933 гг., его действия все же нельзя квалифицировать как "геноцид" – осознанное стремление уничтожить часть населения или народ с помощью голода" (Кондрашин 2019: 158). Дискуссия сегодня ведется не о масштабах, а о том, был ли голод прямым намерением ("голодомор" как геноцид) или чудовищным, но системным последствием политики хлебозаготовок, усугубленным неурожаем и нежеланием властей признать катастрофу. Большинство российских историков склоняются ко второй интерпретации, не снимая при этом ответственности с руководства страны.

Антропологический поворот и история повседневности. С конца 1990-х гг. в российской историографии, под влиянием западной советологии, набирает силу исследование истории повседневности в условиях реализации индустриального проекта в СССР в 1920-1930 х. гг. (Фицпатрик 2008). Этот подход радикально смещает фокус с макроэкономических показателей, решений первых лиц государства на заводы, бараки, коммунальные квартиры и жизнь обычных людей: рабочих, инженеров, крестьян-мигрантов. Изучаются их практики в условиях тотального дефицита, острейшего жилищного кризиса ("уплотнения", бараки, землянки) и нормированного снабжения (карточная система). Анализируется, как люди обходили предписания, использовали "блат", создавали неформальные сети взаимопомощи, занимались мелким частным производством или огородничеством для выживания. Это позволяет увидеть, что экономика 1930-х гг. была не только плановой, но и состояла из миллионов мелких неформальных сделок и отношений. По мнению исследователей, бинарная схема "энтузиазм/принуждение" признается недостаточной, отмечается сложное переплетение искренней веры в социалистические идеалы, карьеризма, страха, вынужденного приспособленчества и простого желания выжить. Это направление, сформировавшееся в 1990-е гг. и остающееся крайне влиятельным, фокусируется на анализе внутренних механизмов функционирования системы и ее социальных издержках. Его апологеты О.В. Хлевнюк, Е.А. Осокина, В.В. Кондрашин, Н.В. Телегина и др. доказывают, что высокая цена сталинской модернизации не была ни единственно возможной, ни оправданной, а ее механизмы порождали системные диспропорции и долгосрочные проблемы. Одна из них – экономика принуждения, в рамках которой детально изучена роль ГУЛАГа как крупнейшего хозяйственного агента, использовавшего бесплатный принудительный труд на самых тяжелых и опасных стройках (Беломорканал, БАМ, Норильск, Колыма). В исследованиях утверждается, что без этого ресурса многие проекты были бы неосуществимы в заявленные сроки, а их экономическая эффективность была крайне низкой (ГУЛАГ 2005). Отмечается, что репрессии, которым была подвергнута научно-техническая интеллигенция в СССР в конце

1920-х – 1930-е гг., носили спланированный, организованный характер и обусловливались сменой внутриполитических приоритетов руководства страны.

Свертывание нэпа и переход к форсированной индустриализации, осуществлявшейся методами внеэкономического принуждения, требовали от руководства страны подавления интеллигенции как той социальной силы, которая не только разделяла принципы нэпа, но и внесла весомый практический вклад в реализацию этой доктрины. На основе обширного документального материала, почерпнутого из рассекреченных архивных фондов, исследователи убедительно показывают, что ГУЛАГ остро нуждался в подневольных высококвалифицированных кадрах, поскольку в планах индустриализации карательному ведомству отводилась одна из ключевых ролей (Федотова 2020). Обобщающий характер носит суждение О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные, и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения (Хлевнюк 2017: 75). Подчеркивается, что лагерная система стала неотъемлемой частью советской экономической модели 1930-х гг.

Критике подвергается экстенсивный характер роста, сопровождавшийся расточительством ресурсов, гигантоманией, хроническим дефицитом и низким качеством продукции в гражданских секторах. Гипертрофия тяжелой и военной промышленности (группа "А") происходила за счет стагнации аграрного сектора и легкой промышленности (группа "Б"), что породило долгосрочные структурные проблемы, дефицит потребительских товаров и низкий уровень жизни. В исследованиях Е.А. Осокиной продемонстрировано, каким образом распределительная система и тотальный дефицит формировали особые социальные практики выживания и привилегированные слои (Осокина 2008). Еще хуже обеспечивался в этот период (как и в предыдущие годы, после отмены нэпа) спрос населения на непродовольственные товары, при том, что их производство в 1935-1938 гг. заметно выросло. Дефицит даже простейших из них, в отличие от продовольственных товаров, стал постоянным явлением и в Москве. По мнению исследователей руководство страны не могло обеспечить всех и пыталось кормить индустриальный авангард, оставляя других на произвол судьбы (Осокина 2008: 19).

В рамках антропологического поворота анализируется роль большого террора 1937–1938 гг. как инструмента мобилизации и устранения возможных потенциальных "вредителей" и "саботажников", на которых можно было списать системные неудачи и просчеты планирования. Репрессии рассматриваются не как внешний по отношению к системе фактор, а как ее имманентная черта, инструмент управления и перераспределения ресурсов, в том числе и человеческих. Это направление утверждает, что советская модель индустриализации была не столько эффективной, сколько способной к тотальной концентрации всех доступных ресурсов (материальных, финансовых, человеческих) на ограниченном числе приоритетов, ценой деградации остальных сфер общественной жизни.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная российская историография пришла к зрелому, диалектическому пониманию советского индустриального проекта 1930-х гг. Он больше не рассматривается ни как однозначный "триумф", ни как

тотальная "катастрофа". Это был глубоко противоречивый, многогранный феномен, в котором переплелись следующие явления:

– серьезный технологический прорыв и архаические управленческие практики, основанные на прямом и внеэкономическом принуждении;

– создание мощного индустриального потенциала и глубокая структурная деформация экономики, выразившиеся в гипертрофии тяжелой промышленности за счет аграрного сектора и сектора потребительских товаров;

– формирование нового общества с расширенными возможностями для социального роста и повышением уровня жизни, с другой стороны – тотальный контроль над повседневной жизнью граждан, что, в сочетании с разрушением традиционных социальных структур, приводило к неравномерному распределению ресурсов.

Главным достижением современной российской историографии стал отказ от упрощенных, черно-белых оценок в пользу многомерного анализа, учитывающего как макроэкономические показатели и геополитический контекст, так и микроисторию, социальные процессы и индивидуальные человеческие судьбы.

Благодарности

Выражаю благодарность редакции и научным рецензентам в научном сопровождении статьи.

Acknowledgements

I express my gratitude to the editorial board and scientific reviewers for their scientific support of the article.

Алғыс білдіру

Мақаланы ғылыми сүйемелдеуде редакцияға және ғылыми рецензенттерге алғысымды білдіремін

Список литературы

Аблажей Н. Эмиграционные последствия голода начала 1930-х гг. для Казахстана. *История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф.* Москва. 2011. С.198-205.

Бородкин Л. Моделирование социальной динамики крестьянства в годы нэпа: альтернативный ретропрогноз. *История и математика: концептуальное пространство и направление поиска.* Москва. 2008. С.99-122

ГУЛАГ: *Экономика принудительного труда.* Под ред. Л. Бородкина, П. Грегори, О. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН. 2005. 320 с.

Жиромская В. *Демографическая история России в 1930-е гг.* Взгляд в неизвестное. Москва: РОССПЭН. 2001. 277 с.

Жиромская В. *Основные тенденции демократического развития России в XX в.* Москва: Кучково поле. 2012. 320 с.

Жуков Ю. Иной Сталин. *Политические реформы в СССР в 1933-1937 г.* Москва: Вагриус. 2003. 512 с.

Козыбаев М. Актуальные проблемы изучения Отечественной истории. *Материалы научной сессии ученых Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан*. Алматы. 1998. 230 с.

Кондрашин В. Методы и исследовательские практики политизации и фальсификации темы голода 1932-1933 гг. в СССР, на постсоветском пространстве и в современной западной историографии. *История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Международной научно-практической конференции.* Москва: Изд-во РГГУ. 2019. С.232–241.

Коровин Н. Особенности индустриального развития России в 1930-е годы и их социальные последствия. *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия *Гуманитарные науки. (История).* 2008. Вып.4, с.33-42.

Кульчицкий С. *Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский Голодомор.* Под ред. Л. Ившина. Киев: Украинская пресс-группа. 2007. 207 с.

Меерович М. Тайные пружины советской индустриализации. *Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2014. No.1, с.98–104.

Назаренко Н. Демографические процессы в Центральном Черноземье России в период голода 1932-1933 гг.: историография вопроса. *Вестник ЮУрГУ. Серия "Социально-гуманитарные науки".* 2023. Т.23, no.2, с.47-56.

Осокина Е. *За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации*. 1927-1941. Москва: РОССПЭН. 2008. 377 с.

Сенявский А. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? *Вопросы теоретической экономики*. 2020. No.3, с.168-182.

Соболев Э. Кризис нэпа и выбор пути социально-экономического развития России. *Вестник Института экономики РАН.* 2014. No.1, с.130-139.

Спицын Е. *Полный курс истории России.* В 4-х тт. Т. 3. Книга 1. Москва. 2015. 448 с.

Федотова И. К вопросу об использовании принудительного труда научно-технической интеллигенции в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. *Интеллигенция и мир.* 2020. No.1, с.75-91.

Фельдман М. Могла ли экономика нэпа стать основой Индустриального проекта? *Всероссийский журнал ЕСО.* 2021. No.3, с.59-77.

Фицпатрик Ш. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. Москва: РОССПЭН. 2008. 336 с.

Ханин Г. Три варианта первого пятилетнего плана экономики СССР: от реализма к утопии. *Экономическая история.* 2022. С.52-71.

Ханин Г. *Экономическая история России в новейшее время.* Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск. 2008. 516 с.

Хлевнюк О. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы. *Уральский исторический вестник.* 2017. No.3, с.71-80.

References

Ablazhey N. Emigratsionnye posledstviia goloda nachala 1930-kh gg. dlia Kazakhstana. *The History of Stalinism: The peasantry and power: proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow. 2011. Pp.198-205. (in Russian)

Borodkin L.I. Modelirovanie sotsialnoi dinamiki krestianstva v gody nepa: alternativnyi retroprognoz. Istoriia i matematika: kontseptualnoe prostranstvo i napravlenie poiska. *History and mathematics: a conceptual space and a direction of search.* Moscow. 2008. Pp.99-122. (in Russian)

GULAG: *Ekonomika prinuditelnogo truda.* Edited by L. Borodkin, P. Gregory, O. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2005. 320 p. (in Russian)

Zhiromskaya V. *Demograficheskaia istoriia Rossii v 1930-e gg*. Vzgliad v neizvestnoe*.* Moscow: ROSSPEN. 2001. 277 p. (in Russian)

Zhiromskaya V. O*snovnye tendentsii demokraticheskogo razvitiia Rossii v XX v*. Moscow: Kuchkovo Field. 2012. 320 p. (in Russian)

Zhukov Yu. *Inoi Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933-1937 gg.* Moscow: Vagrius, 2003. 512 p. (in Russian)

Kozybaev M. Aktualnye problemy izucheniia Otechestvennoi istorii. *Materials of the Scientific session of scientists of the Ministry of Science – Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.* Almaty. 1998. 230 p. (in Russian)

Kondrashin V. Metody i issledovatelskie praktiki politizatsii i falsifikatsii temy goloda 1932–1933 gg. v SSSR, na postsovetskom prostranstve i v sovremennoi zapadnoi istoriografii. T*he history of modernity: information resources, methods and research practices in Russia and abroad: reports of the International Scientific and Practical Conference.* Moscow: Publishing House of the Russian State University of Economics. 2019. Pp.232-241. (in Russian)

Korovin N. Osobennosti industrial`nogo razvitiya Rossii v 1930-e gody` i ix social`ny`e posledstviya. *Bulletin of the Ivanovo State University. The Humanities series*. (History). 2008. Is.4, pp.33-42. (in Russian)

Kulchitsky C. *Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskii Golodomor*. Pod red. L. Ivshina. Kyiv: Ukrainian Press Group. 2007. 207 p. (in Russian)

Meerovich M. Tainye pruzhiny sovetskoi industrializatsii. *Journal of Social and Humanitarian Studies.* 2014. No.1, pp.98-104. (in Russian)

Nazarenko N. Demograficheskie protsessy v Tsentralnom Chernozeme Rossii v period goloda 1932-1933 gg.: istoriografiia voprosa. *Bulletin of SUSU. The series "Social sciences and humanities"*. 2023. Vol.23, no.2, pp.47-56. (in Russian)

Osokina E. Za fasadom "stalinskogo izobiliia": *Raspredelenie i rynok v snabzhenii naseleniia v gody industrializatsii.* Moscow: ROSSPEN. 2008. 377 p. (in Russian)

Senyavsky A. Byla li alternativa svertyvaniiu novoi ekonomicheskoi politiki? *Questions of theoretical economics*. 2020. No.3, pp.168-182. (in Russian)

Sobolev E. Krizis nepa i vybor puti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossii. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2014. No.1, pp.130-139. (in Russian)

Spitsyn E. *Polny`j kurs istorii Rossii.* V 4-x tt. T. 3. Kniga 1. Moscow. 2015. 448 p. (in Russian)

Fedotova I. K voprosu ob ispolzovanii prinuditelnogo truda nauchno – tekhnicheskoi intelligentsii v SSSR v kontse 1920-kh – 1930-e gg. *The Intelligentsia and the World.* 2020. No.1, pp.75-91. (in Russian)

Feldman M. Mogla li ekonomika nepa stat osnovoi Industrialnogo proekta? *All-Russian journal ECO*. 2021. No.3, pp.59-77. (in Russian)

Fitzpatrick S. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsialnaia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod.* Moscow: ROSSPEN. 2008. 336 p. (in Russian)

Khanin G.Tri varianta pervogo pyatiletnego plana e`konomiki SSSR: ot realizma k utopii. *Economic history.* 2022. pp.52-71. (in Russian)

Khanin G. *Ekonomicheskaia istoriia Rossii v noveishee vremia.* Novosibirsk State Technical University un-т. Novosibirsk. 2008. 516 p. (in Russian)

Khlevnyuk O. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshenny`e problemy`. *Ural Historical Bulletin*. 2017. No.3, pp.71-80. (in Russian)

Information about authors

Grigory A. Petachenko – Candidate of Historical Sciences, Doctoral Student, Department of Russian History, Faculty of History, Belarusian State University, Nezavisimosti ave., 4 220030; Associate Professor, Department of Information Technology and Social Sciences, Plekhanov Russian University of Economics (Minsk branch), 40 Radialnaya St., 220070. Minsk, Belarus, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Автор туралы мәлімет

Григорий Алексеевич Петаченко – т.ғ.к., докторант, тарих факультетінің Ресей тарихы кафедрасы, Беларусь мемлекеттік университеті, Тәуелсіздік даңғылы, 4 220030, Минск, Беларусь; доцент, Ақпараттық технологиялар және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасы, Плеханов атындағы Ресей экономикалық университетінің Минск филиалы, Радиальная көшесі, 40, 220070, Минск, Беларусь, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Сведения об авторе

Григорий Алексеевич Петаченко – канд.ист.наук, докторант кафедры истории России исторического факультета, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4 220030; доцент кафедры информационных технологий и социально-гуманитарных дисциплин Российского экономического университета имени Плеханова (Минский филиал), 220070, ул. Радиальная 40. Минск, Беларусь, https://orcid.org/0009-0005-4343-1788, petakoff@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 01.02.2026.
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 25.03.2026.
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 07.06.2026.